

Нръ. 15. Унгваръ, 1. (13.) августа 1887. Годъ III.

Выходитъ
1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца.
въ объемѣ
одного печатнаго
листа.

ЛИСТОКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная цѣна:
На годъ 4 гульд.
На $\frac{1}{2}$ года 2 "
На $\frac{1}{4}$ " 1 "
За границею 5 гульд.
Подписку и разныя
статьи адрессовати
следуетъ редактору
въ Порошково.
(Poroskó Ungmegye).

Отвѣтственный Редакторъ: Евгений Феницкъ.

Цѣль.

Человѣкъ, какъ разумное созданіе Божіе, не можетъ жити безъ того, чтобы у него не было какой-нибудь цѣли жизни.

Еслибъ онъ жилъ безъ цѣли жизни, тогда жизнь его была бы подобна жизни животныхъ: была бы собственно и не жизнью, а просто прозябаніемъ, вегетацией.

Божественное откровеніе объявило намъ, что первая и главнѣйшая цѣль человѣка на землѣ усовершити себя, достигнути самаго совершеннѣйшаго идеала, и посредствомъ этого-то усовершенія сдѣлатися способнымъ, чтобы виѣстити самое большее счастіе и блаженство, чтобы соединитися съ Богомъ, чтобы спастися.

Это главная цѣль каждого человѣка.

Безъ сей цѣли не слѣдовало бы жити ни одному человѣку.

Всѣ прочія цѣли наши должны направлены быти къ сей главной цѣли и содѣйствовать ей.

Конечно, не много такихъ людей, которые бы оспоривали эту главнѣйшую цѣль человѣка. Только въ томъ бѣда, что многіе изъ людей обращаютъ на эту главную цѣль очень не много вниманія, и ставятъ себѣ второстепенные цѣли, которыя идутъ на разрѣзъ съ главною цѣлью человѣчества, не содѣйствуютъ, а прямо противятся ей.

Есть напримѣръ люди, которые поставили себѣ цѣлью исчерпать всѣ солодости міра. Очевидно, что эти люди не приближаются, а отдаляются отъ главной цѣли человѣчества.

Другіе опять задумали поблестѣти, поднятися на высшія степени достоинства, и во что бы то ни стало, возвыситися надъ собратьями своими. И эта цѣль, въ основаніи которой находится гордость, не содѣйствуетъ общей цѣли человѣчества.

Есть опять люди, которые силою силечной захотѣли накопити себѣ богатства. Ихъ не затрудняетъ то обстоятельство, что имъ часто приходится окривдити братьевъ своихъ; ихъ не трогаютъ слезы нищихъ и сиротъ: — только, чтобы цѣль ихъ была достигнута. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и эти не приближаются, а отдаляются отъ правдивой цѣли человѣчества.

Кто хочетъ поступати своему высокому человѣческому назначенію сходно, тотъ долженъ предприняти высокую, благородную цѣль, находящуюся въ согласіи съ общою цѣлью человѣчества, посвятити сей-то цѣли всю жизнь свою. Только такъ сдѣлается онъ достойнымъ имени человѣка, и только такъ можетъ сдѣлatisя счастливымъ.

Вотъ примѣръ въ Богочеловѣкѣ. Христосъ - Спаситель предпринялъ спаси человѣчество. И какъ точно выполнилъ Онъ задачу свою: гдѣ была тьма, тамъ расточилъ свѣтъ, училъ, наставлялъ; гдѣ были болѣзни, тамъ исцѣлялъ, — и принесъ себя въ жертву, чтобы осчастливити и блажѣннымъ сдѣлati человѣчество!

Эти мысли о цѣли человѣчества пришли намъ на умъ по той причинѣ, ибо мы у насъ, на угорской Руси, находимъ очень не много цѣли. Кромѣ той цѣли, на которую указуетъ намъ Божіе откровеніе, и которая, сказать правду, уже зачала терятыся у насъ изъ виду, — у насъ не замѣчается никакая высокая, благородная цѣль.

Народъ нашъ трудится лишь для того, чтобы влечи свою бѣдную, нищенскую жизнь. Высшей цѣли у него нѣтъ. Онъ вегетуетъ!

Наша интеллигенція изъ части занятаго тоже лишь тѣми заботами, чтобы содержати себя и свои семьи; а изъ части гонится за почестями, наущаемая демономъ честолюбія.

Съ цѣлью высокою, благородною, идеальною нигдѣ не встрѣчаемся!

При такой жизни, при такомъ бездушномъ влечениіи дней, конечно не добьемся ни до чого высокаго, ни до чого славнаго; и безъ слѣда исчезнемъ съ лица земли!

Е. Ф.

Сотвореніе человѣка.

Окончаніе.

VII.

Но хотя бы какъ славный былъ первый человѣкъ, въ планахъ безконечной любви былъ онъ лишь начаткомъ нѣкимъ созданій его (Іаковъ 1, 18.). Богъ осыпалъ его дарованіями, но тѣмъ еще не былъ доволенъ; сдѣлалъ его самымъ совершенѣйшимъ созданіемъ, но хотѣлъ сдѣлati еще чѣмъ-то большимъ; хотѣлъ поднять его еще выше: сообщити ему свое Божеское существо, привити къ его естественному величию, чрезъ чудо любви, величіе безконечное, и такъ заключити твореніе человѣка благодѣяніемъ, которое бы все прочее затмило.

Мы видѣли естественные дарованія человѣка: умъ, свободу, любовь,

безоблачное блаженство и до тѣхъ поръ, пока достигъ бы блаженства безконечнаго. Богъ конечно могъ пріостановитися и здѣсь. И этого было бы достаточно, чтобы все человѣчество изъ рода въ родъ было Ему благодарно.

Но что было достаточно человѣку, тѣмъ не былъ доволенъ Богъ. Иль умъ, любовь, естественное величіе, царское достоинство не могли быть убогающими? И въ концѣ концовъ человѣческій умъ, будь онъ какъ ни блестящъ, если подымется къ Богу, что видитъ? Если свободно такъ выражиться: токмо внѣшность Божества, Его внѣшнюю дѣятельность, иѣсколько чертъ Его могущества, премудрости и благости. Для чего бы не помогъ ему Богъ, чтобы шелъ дальше, для чего бы не укреплялъ взоръ его? Изобрѣли убогающиа стекла, которыя туда доведутъ око человѣка, куда бы само не могло дойти. А Богъ не могъ бы помочь уму нашему и довести его туда, куда самъ немогъ бы дойти никогда? Богъ безгранично знаетъ Себя, въ сомъ безграничномъ знаніи видитъ что-то такое, что созданное существо, оставленное собственнымъ силамъ, не увидѣло бы никогда. Неужели было бы невозможно сообщити человѣку что-то изъ сихъ величественныхъ познаній, и то такъ, чтобы человѣческій умъ, посредствомъ какого-то чудеснаго дара, не принадлежащаго ему по естеству, былъ привить уму Божественному, и чтобы такъ участвовалъ въ Его свѣтѣ?

Но Богъ не токмо знаетъ, но и любитъ Себя. Неужели невозможнo бы разширити и сердце человѣка, и сдѣлать его способнымъ для того, чтобы участвовало въ той бесконечной любви, которой любитъ себя Богъ?

Наконецъ человѣкъ назначенъ для блаженства. Если онъ вѣренъ Богу, тогда онъ достоинъ того, чтобы участвовалъ въ наслажденіи, которое можетъ дати ему міръ. И тутъ для чего бы не лъзя идти дальше? Вместо сего великаго, но конечнаго, ограниченнаго блаженства, для чего бы ему невозможно дати частицу изъ бесконечнаго блаженства самаго Бога, изъ святаго восторга Божественной Троицы?

И чтобы человѣкъ могъ вмѣстити эту блескъ, эти чувства, которыя не находятся въ пропорціи съ его природой, не возможно ли бы его какимъ-то образомъ привити къ Богу, вльти въ него жизнь Бога, и какимъ то, всякий умъ превосходящимъ способомъ сдѣлать его участникомъ Божескаго естества?

Неужели все это невозможно? Въ самомъ дѣлѣ невозможно ли? Если же невозможно, вопрошаю, откуду происходитъ эта невозможность?

Огъ Бога ли? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Богъ бесконечная любовь, и такъ приписывать Ему эту невозможность было бы безуміемъ. Вѣдь если человѣкъ сдѣлается Огцемъ, будетъ-ли онъ доволенъ тѣмъ, что снабдить дѣтей своихъ необходимымъ? Ахъ, нѣтъ! Онъ отдастъ имъ все: имя, имѣніе, честь,

даже собственное существо; а радъ бы дати еще больше. Для отца было бы блаженствомъ, погребстися въ славѣ сына, и уничтожитися въ ней. Се начало и объясненіе жизни вышеестественной! Все, что можетъ намъ дати Богъ, — даже до собственнаго естества, — отдалъ Онъ намъ изъ избытка любви, и ступивъ разъ на дорогу облагодѣтельствованій, не хочетъ уже остановитися.

Если со стороны Бога, при величественномъ сообщеніи намъ сверхъ-естественной жизни, не оказалось никакого затрудненія, неужели такое затрудненіе оказалось бы со стороны человѣка? Но откуду? Мы говорили объ убѣщеніи свѣта. Развѣ человѣкъ сталъ бы противитися сему? Мы говорили объ увеличеніи любви. Развѣ сердце человѣка не желаетъ, не жаждетъ и любви? Мы говорили о возвышеніи, такъ сказать убоженіи человѣческаго естества. Развѣ человѣкъ не всегда туда стремить? Онъ попробовалъ похитити огонь съ небеси, и попробуетъ всегда: огнь остроумія, огнь любви. Ангелы! стережите свои очаги, человѣкъ похитить съ нихъ огонь! Думати, будто бы человѣкъ не заботился объ убѣщеніи, разширени, обоженіи способностей своихъ, будто бы онъ даже противился этому, было бы безуміемъ!

Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ былъ сотворенъ способнымъ для того, чтобы быти привиту къ Богу. Для чего ни одна способность его не полна натуально. Онъ что-то примитивное; ожи-

даетъ усовершенія; и отъ кого могъ бы онъ это получить, если не отъ Бога? Всякое растеніе не лъзя привити къ какому-нибудь растенію, нѣтъ — и къ самому благороднѣйшему. Оба растенія должны быти сродны. Но Богъ и человѣкъ сродны, подобны другъ-другу. Этотъ можетъ быти прививаемъ Оному. Но крайней мѣрѣ человѣкъ желаетъ сего! Онъ чувствуетъ, что все величіе свое можетъ достигнути лишь тогда, если привить будетъ къ Богу.

Такъ и случилось. Или лучше, Богъ предопредилъ желанія человѣка. Жизнь сверхъ-естественная съединилась съ жизнью естественною въ мигъ начала послѣдней. Жизнь естественная на самомъ дѣлѣ и не существовала. Какъ и у Христа: въ тотъ мигъ, когда человѣческое лицо чрезъ соединеніе души и тѣла должно было родиться, Слово сошло, завладѣло имъ и вознесло его на высоту лица Божескаго. Такъ и человѣкъ, никогда не живъ жизнью естественною; онъ родился въ роскоши жизни сверхъ-естественной.

Поеты въ превосходныхъ стихахъ представляютъ намъ первого человѣка, какъ стоитъ подъ блестящимъ небомъ. Деревья преклоняютъ предъ нимъ свои благовонныя вѣтви. Надъ главою его блеститъ солнце. Адамъ смотрить, искаеть, размышлять, откуду эти чудеса; послѣ поднимаетъ взоръ къ небу, слагаетъ руки, и повергается на колѣни.

Праздная картина! исполное, даже невѣрное изображеніе! Адамъ родился

въ блескѣ и въ любви. Ему нечего было поднимати взоръ свой къ небу, нечего было размышляти. Богъ былъ въ немъ, и онъ былъ въ Богѣ. Изъ сердца человѣка въ тотъ часъ взорвалось самое чистѣйшее, самое величественное, самое смиреннѣйшее, самое Божественнѣйшее, прекрасное біеніе, какое когда-то только доходило къ Богу.

Ничто не можетъ дать намъ понятіе о томъ, что чувствовалъ тогда Адамъ, когда онъ, снабженъ умомъ сіяющимъ во всемъ Божескомъ блескѣ, когда снабженъ любовью пылающею всѣмъ Божескимъ пламенемъ, — узрѣлъ свѣтъ. Его славная подруга Ева дышала тѣмже чувствами. Въ такомъ состояніи проходили они благованныя пространства рая; Адамъ самый красивѣйшій между всѣми мужчинами, долженствовавшими родитися отъ него; Ева самая плѣнительнѣйшая между всѣми послѣдующими дочерями своими. Счастливцы! о, еслибы были поразумѣли высоту призванія своего, и еслибы были, — сохранивъ невинность свою, — отразили отъ себя и отъ потомковъ своихъ тѣ ужасающія удары и несчастія!

Полумѣсячное обозрѣніе.

— Въ турчанскомъ св. Мартинѣ 3-го августа по н. ст. отворена выставка вышивокъ(*himzés*), устроенная обществомъ словенскихъ женъ: „Живеной“.

„Народныя Новини“ по этому поводу между прочимъ пишутъ: „Наши жены и девушки, какъ предъ тысячи-

годами, — ибо уже греческій писатель Геродотъ, писавшій 500 лѣтъ предъ рождествомъ Христовымъ, вспоминаетъ о нашемъ народѣ, какъ живущемъ въ тѣхъ земляхъ, гдѣ и нынѣ живемъ, а только отъ временъ Геродота считается уже 2387. лѣтъ, — такъ и днесъ шлютъ и вышиваютъ для домовъ и мильыхъ своихъ на безцѣнномъ полотнѣ безцѣнныя, пріятной формы, оку милье, привучіе, красивые узоры. Это живая чрезъ вѣка сохранившаяся презентация словенскаго народа, приносящая твореніе своего духа пріятное Богу и народу. Эта то красивая часть народа живеть, и вышиваетъ и днесъ въ духѣ своихъ праматерей и пррабѣ удивительныя украшенія: кушаки (поясы) и утеральники для же-ниховъ; чипки, парты, одежды для другинъ, плахты, обрусы, чепцы, разныя убранства, повивачи для домовъ и проч. Любящая, горяче чувствующая невѣста проготовляетъ для своего жениха какой-то сюрпризъ (*meglepetés*) трудомъ рукъ своихъ! Это тотъ уголъ жизни, въ которомъ пребываетъ еще тихій огонь любви, истинная преданность, жаръ одушевленія, успокоительная мысль и живая надежда, куда не подкрался еще онъ райскій змѣй свобододумнаго мнѣнія, змѣй бунта противъ Бога и природы Его, наущающей дѣлать противъ собственной совѣсти, словомъ дѣлающей насъ извергами и уродами.“

Если глянемъ въ дома нашихъ русскихъ жителей, то не можно не замѣ-

тити, что у насъ тоже отъ даъна въ употреблениі подобныя вышивки, какъ какія выставили братья наши словаки. Въ Мараморышѣ простыя женщины украшаютъ одежды свои удивительными вышивками. Часто встрѣчашь женщину, дѣвушку, даже дитя, рукавы и грудь сорочекъ которыхъ украшены такъ густыми вышивками, что почти не видно полотна. Все это вышито простою иглою и цвѣтною ниткой.

Замѣчательно, что эти вышивки наиболѣатѣйши по верховинамъ, между жителями живущими въ горахъ.

Братья наши словане устроили изъ такихъ вышивокъ цѣлую выставку; а намъ придется ли что-нибудь подобное на мысль?

Иль не могли и мы отослати нѣсколько вышивокъ, сготвленныхъ руками нашихъ угро-русскихъ женщинъ на эту выставку?

— Въ Римѣ 21. іюня совершено освященіе капеллы въ честь славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія, въ базиликѣ св. Клиmenta. Мощи св. Кирилла, скончавшагося въ Римѣ въ 869. г. покоятся въ этой церкви. — Первоначально же онѣ были погребены въ соборѣ св. Петра. Базилика св. Клиmenta, находящаяся недалеко отъ Колизея, у подножія экилиинскаго холма, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ церквей Рима. До настоящаго столѣтія она считалась древнѣйшею христіанскою базиликой. Въ 1857. году подъ надземнымъ соборомъ открыли давно забытый и несравненно древнѣйшій под-

земный; предполагаютъ, что этотъ послѣдній былъ построенъ во времена императора Константина, т. е. полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Она представляетъ неисчерпаемый источникъ материала для археологіи христіанской церкви. Есть основаніе предполагати, — и раскопки послѣднихъ лѣтъ оправдываютъ предположенія, — что къ стѣнамъ извнѣ прилегаютъ, нынѣ засыпанные, еще другіе придѣлы и пристройки. Часть стѣнъ этой церкви принадлежала монетному двору доимператорскаго Рима. Колонны, живопись, мозаика, и вообще архитектура этого храма носятъ на себѣ византійскій характеръ. — Стѣны ея покрыты довольно хорошо сохранившимися изображеніями, между которыми для насъ, Славянъ, особенно интересны: 1. Крещеніе св. Кирилла; 2. чудо въ Крыму — исцѣленіе на гробѣ св. Клиmenta въ Херсонѣ сына вдовицы; 3. перенесеніе мощей св. Кирилла. Въ югозападномъ углу церкви въ каменномъ саркофагѣ почиваютъ мощи славянскаго первоучителя и вблизи на стѣнахъ изображены не особенно хорошо, впрочемъ, сохранившіеся эпизоды изъ жизни св. Кирилла. Около этой гробницы въ недавно раскопанномъ древне-церковномъ помѣщеніи устроена и отдѣлана по личному желанію Его Святѣйшества папы Льва XIII. и на его собственные средства роскошная капелла во имя св. Кирилла и Меѳодія. Она украшена новыми изображеніями: 1. при входѣ Спаситель во весь ростъ, по бокамъ стоять св. Кирилль

и Меѳодій, внизу колѣнопреклонный, въ натуральной величинѣ Его Святѣшество Левъ XIII. 2. на боковыхъ стѣнахъ перенесеніе мощей св. Кирилла, и 3. чудеса совершенныя угодниками. Алтарь весьма богатый, изъ малахита, яшмы, лаписъ-лазури и разноцвѣтныхъ мраморовъ. У подножія алтаря гербъ Льва XIII. Вся капелла украшена со вкусомъ древними мраморами, статуями и колоннами христіанскаго стиля, найденными при раскопкахъ церквей и катакомбъ. Придѣль былъ освященъ весьма торжественно. Попечителемъ базилики св. Клиmenta числитсѧ неаполитанскій архіепископъ, кард. Санть-Феличе. По приказанію Его Святѣшства, онъ прїѣхалъ въ Римъ, совмѣстно съ двумя другими епископами, встрѣтившими его на станціи, отслужилъ тотчасъ-же молебенъ у раки св. Кирилла, затѣмъ явился въ Ватиканъ и принялъ благословеніе святѣшаго Отца. На другой день было совершено самое освященіе капеллы. (Русск. Паломникъ.)

Церковныя проповѣди.

Проповѣдь на Преображеніе Господне.

Господи, добрѣ есть намъ здѣ быти, сотворимъ себѣ убо три сѣни, тебѣ едину, и Мойсееви едину и Иліи едину — сказалъ св. Петръ, какъ читаемъ въ сегоднешнемъ св. Евангеліи, къ Спасителю, когда удостоился видѣти Его Преображеніе. Іисусъ взялъ съ

собою трехъ первѣйшихъ учениковъ своихъ, и повелъ ихъ на гору въ уединеніе и тамъ показался имъ въ славѣ своей. Лице Его возсіяло какъ солнце, а одежда ослѣпительно забѣлѣлась, — возлѣ Него явились Мойсей и Илія и начали разговаривати съ Нимъ о предстоящемъ Ему совершеніи искупленія падшаго рода человѣческаго. Эта была та сама слава, съ которой увѣнчаль Его по Вознесеніи Отецъ небесный, та слава, въ которой Онъ сидить и будетъ сидѣти въ вѣки одесную Отца, въ которой созерцаютъ Его святые, избранные, удостоившіеся войти въ ограды небесныя. О, что ощущалъ Петръ и его соученики, увидѣвъ ту славу! какою невысказанною радостію наполнилась его душа, каковымъ счастьемъ упоялось сердце его! Онъ забываетъ за жену, за родину свою, онъ хочетъ строiti три шатра и не сходя ни разу съ горы остатися тамъ на всегда; онъ даже забываетъ о себѣ самомъ: онъ не думаетъ о сѣняхъ для себя, онъ хочетъ поставить сѣни лишь для своего Учителя и для Мойсея и Иліи, — самъ онъ готовъ остатися подъ однимъ небомъ не опасаясь ни жара, ни проливныхъ дождей: онъ наслаждается однимъ счастьемъ и ни о чёмъ больше не думаетъ, увѣренъ, что чтобы ни стало, не было бы въ состояніи ни въ малѣйшей степени помѣшати его радости.

Видите братья, вотъ вамъ то счастье, которое уготовано намъ всѣмъ,

если до смерти останемся вѣрными служителями и учениками Спасителя нашего; блаженство неизреченное, о которомъ св. Павелъ пишетъ, что оно такъ велико, что ни око человѣческое его не видало, ни ухо не услышитъ его, ни даже въ сердцѣ своемъ человѣкъ не въ состояніи разобрati, что уготовалъ Господь любящимъ Его. — Въ чемъ же состоитъ оно? въ чемъ? — Глянемъ-те на св. Петра: что очаровало его такъ, что онъ о всемъ забылъ, и радъ былъ бы вѣчно остаться на горѣ Ѹаворской? Ничто другое, а только зрење Бога-Сына въ славѣ Его небесной. Зрење Бога лицемъ къ лицу, наслажденіе имъ, составляетъ сущность вѣчнаго блаженства. Если ты, братъ мой, увидиши что-нибудь хорошаго, доброго, нѣ хотѣлъ бы ты овладѣти имъ, не цочи-талъ бы ты себя счастливымъ, если бы ты имѣлъ оное? Если ты уви-диши что нибудь красивое, не пригяги-ваетъ-ли оно тебя, не затрогиваетъ-ли твою душу волшебнымъ удовольстві-емъ? Но Богъ именно и есть самое наибольшее добро, превосходящее умъ и мысль человѣческую. Все, что лишь можетъ быти доброго въ свѣтѣ, ничѣмъ есть въ сравненіи съ тѣмъ до-бромъ безначальнымъ, отъ котораго все добро сотворенное исходить, и лишь на столько есть добро, на сколько приближается къ тому добру не сотворенному. Какъ красивое, лю-безное насѣкомое Божая коровка или зозулька! Любой изъ васъ не разъ

имѣлъ ее на рукѣ, и велѣлъ себѣ во-рожити, — разумѣется на шутку, ибо Божая коровка, какъ обыкновен-ное животное, ничего ворожити не можетъ — и не было бы кому ни-будь изъ васть жаль убить ту милую мушку? Но скажи мнѣ, дитя мое, сколько разъ больше любишь ты мати свою, чѣмъ ту Божью коровку? Или ты мать скажи мнѣ, сколько дороже тебѣ твое отroча, или твой мужъ, чѣмъ эта милая мушка? Сколько та-кихъ Божіихъ коровокъ дала бы ты за твоего ребенка, или за своего му-жа? Но вотъ подумайте себѣ: какъ бы ни добръ былъ человѣкъ, найлуч-шая мати, самое милѣйшое дитя: въ сравnenіи съ Богомъ далеко не заслу-живаетъ той любви, того приласкива-нія, съ какимъ мы встрѣчаемъ эту маленькую Божію коровку. И если бы ты дитя мое всѣ Божіи коровки сего міра отдало за мать свою, если бы это было нужно, такъ непремѣнно ты весь міръ со всѣми его богатства-ми, съ всею красотою его, съ самою твоей матерью отдало бы за то неиз-глаголанное добро, каково есть Богъ. Примѣръ этому видимъ мы сего дня въ св. Петрѣ: у него также была любимая родина, а онъ въ ту одну минуту забылъ о ней, онъ былъ го-товъ никогда уже не возвращатися къ ней, но на горѣ Ѹаворской пребыти въ вся вѣки.

Не разъ человѣкъ думаетъ себѣ: Боже мой, св. писаніе говоритъ, что въ царствіи небесномъ уготована такая ра-

дость, какой земскій человѣкъ и вздумати не можетъ. Но съ другой стороны мы знаемъ, что на страшномъ судищи совершился страшное разлученіе. Не одинъ мужъ разлучится на всегда отъ своей любимой жены, не одно дитя потеряетъ на вѣки свою нѣжную мать, мать не одна увидитъ свою дѣтину потерянную невозвратимо. Какъ же это? Неужели та мать будеть въ состояніи быти такъ счастливою, какъ говорить св. писаніе, видя свое любезное чадо, за которое готова была въ семъ мірѣ отдать жизнь свою, преданное мукамъ страшнымъ, безконечнымъ? Неужели тотъ мужъ забудеть въ своемъ счастіи жену, съ которой въ нѣжной неразлучимой любви дожилъ вѣка своего? Не взойдетъ-ли ему на сердце, что та жена, столь любимая имъ прежде, плачетъ и скрежочетъ зубами во тьмѣ кромѣшией? эта мысль никогда ни на минуту не возмутить его счастья? Нѣтъ, любезнѣйше. То счастіе небесное такъ упоитъ человѣка, что ничто не будетъ въ состояніи смутити его! Но смотрите опять на св. Петра въ сегонашнемъ евангеліи. И у него была жена, и у него была родина, а онъ сподобивши сѧ видѣти Бога въ Его славѣ небесной, уже забылъ о нихъ, забылъ о самомъ себѣ, понимая, что такъ великое счастіе не въ состояніи разорити ни стужа, ни жаръ солнечный. — Если ты предъ жатвою выйдешь на поле свое и увидишъ изобильное благословеніе Божіе, хлѣбъ

упадающій подъ тяжестью зерна, луги богатые травою, вѣтви наклоняющіяся отъ изобилія плодовъ, когда благоухаетъ тебя волшебная вонь свѣжаго растенія, а издали послышися голосъ перепелки, приглашающей тебя къ готовой жатвѣ: о скажи, въ ту минуту не забудешь ли, что утромъ курица разбила тебѣ горшечекъ? — Когда, дитя мое, вернешься изъ поля домой, а мати твоя нѣжно пригорнетъ тебѣ къ сердцу, не забудешь-ли, что ты за часочекъ до того съ горемъ видѣло въ полѣ, какъ вѣтеръ похитилъ Божью коровку и бросилъ ее въ воду, гдѣ она потонула? — Такъ будетъ и въ царствіи Божіи: кто тамъ соединится съ Богомъ добрѣшимъ, милостивѣшимъ Отцемъ своимъ, тотъ въ томъ соединеніи найдетъ такое счастіе, что забудеть за всѣ прежнія связи родства и пріязни, какъ забываетъ хозяинъ въ минуту зрянія обильной жатвы потерянный горшечекъ, какъ забываетъ ребенокъ въ объятьяхъ матери потопавшую Божью коровку.

Это кажется страннымъ! Не одинъ изъ васъ подумаетъ себѣ: возможно ли, чтобы я любилъ Бога любовью нѣжнѣйшею, чѣмъ люблю мою дорогую жену? чтобы я любила Бога сердечнѣе, чѣмъ люблю моего красиваго, доброго мужа, за котораго я все готова отдать? да еще, чтобъ эта любовь къ Богу такъ исполнила мою душу, что я видя мужа моего въ адскихъ страданіяхъ, не нашла бы ни

одного чувства состраданія въ моемъ сердцѣ? Возможно-ли, подумаетъ не одна дѣтина, чтобы я Бога любила болѣе, чѣмъ люблю мою дражайшую мать, чтобы исполнена этою любовью къ Богу, я готова безъ жалю разстаться съ нею на всегда? Такъ то думалъ одинъ царь фризійскій, поганинъ, который назывался Радборъ. Когда въ его страну пришли проповѣдники христіанскіе, онъ долго имъ сопротивлялся и гонилъ ихъ, не хотя и слышати о новой вѣрѣ. Но на конецъ благодать Божія тронула его и онъ вѣровавъ въ науку Христову, рѣшился принятии св. крещеніе. Но предъ самимъ крещеніемъ вопросилъ онъ тѣхъ проповѣдниковъ: „Скажите мнѣ, где находится теперь мой отецъ, моя мати и вся моя родина, которая доселѣ оставила сей свѣтъ поживъ въ беззаконіяхъ языческихъ и не принялъ св. крещенія? въ небѣ-ли, или въ адѣ?“ — „Въ адѣ, безъ сомнѣнія“, сказали св. мужи. Тогда царь сказалъ гордо: „Ну, тоже и я не хочу оставить ихъ; если они въ адѣ, то и я пойду съ ними, хочу подѣлiti ихъ участъ, какова бы она ни была.“ — Безумный! Онъ не зналъ, или не хотѣлъ знати, что Богъ первая наша родина, нашъ добрѣйшій Отецъ, который не только намъ, но и родителямъ нашимъ и всѣмъ сродникамъ нашимъ подаетъ жизнь и все нужное къ содержанію ея. Мы люди поробощены плотскими страстями, подобны тому черваку, который живя всю

жизнь свою въ хрѣнѣ, не знаетъ вкуса хлѣба, который насыщаетъ ядущаго, не пекучи его какъ хрѣнъ; — не знаетъ, что если бы удалось ему влѣзти въ вкусное яблоко, непремѣнно забылъ бы о своемъ хрѣнѣ; — не знаетъ солодкаго сахара, вкусъ котораго не можетъ приманивати его. Такъ и мы, живя въ семъ свѣтѣ, если и полюбимъ кого нибудь сердечно, мужа, жену, родителей, дитя, думаемъ, что уже нѣтъ никого, кого бы мы могли больше любити: мы въ самомъ дѣлѣ черви въ хрѣну, и не знаемъ вкуса хлѣба, яблока, сахара. — Но между тѣмъ, какъ червь незнаетъ даже о существованіи хлѣба или сахара, мы любя родныхъ нашихъ всею душою, знаемъ, что есть любовь, которая несравненно превосходитъ любовь нашу: эта та любовь, которую святые въ царствѣ небесномъ любятъ Бога единаго въ Тройцѣ, любовь такъ велика, что возлѣ ней поставлена любовь ребенка къ матери исчезаетъ, какъ капля воды пущенна въ море. Откуда же знаемъ это? Самъ Богъ открылъ намъ это чрезъ св. писаніе. Писаніе св. учитъ насть, что ни око не видѣло, ни ухо не слышало, ни на сердце человѣка не взойдетъ, что Богъ уготовалъ любящимъ Его. Св. писаніе учитъ насть въ сего-днешнемъ Евангеліи, что Петръ увидѣвъ Бога въ славѣ, возгорѣлъ такою любовію, что забылъ о родинѣ своей, и готовъ былъ разлучитися съ нею на всегда, чтобы только наслаждатися

тою любовію, которая тогда распалила его сердце.

Не разсуждайте, братья любезные, будетъ-ли то возможно, чтобы душа такъ перенялась любовію къ Богу, что ея радости не возмутить даже видъ дорогихъ сердцу лицъ, страждущихъ ужасно въ глубинѣ адской. Какъ вамъ мнится? Можетъ-ли человѣкъ любити болѣе другаго человѣка, хотя бы своего мужа, или свою мать, чѣмъ возлюбилъ его самъ Господь? Самъ Богъ сошелъ съ небесъ, облекся въ человѣческую многострадательную плоть, прожилъ тридцать три лѣта на землѣ, въ нищетѣ и лишеніи, такъ, что по его собственнымъ словамъ не имѣлъ гдѣ приклонити главу свою: — переносиль чрезъ три года зависъ книжниковъ и гоненія фарисеевъ, а въ концѣ, ужасъ, послѣ невысказанныхъ долгихъ страданій потерпѣлъ позорную смерть крестную! — для чего? чтобы этого нужденаго, ничтожнаго человѣка привести опять въ то блаженство, которое онъ самохотно потерялъ чрезъ грѣхъ первородный. Скажите, мыслима-ли любовь большая? Лишь не упускайте изъ виду, кто потерпѣлъ все это, и для кого: Богъ всесильный, безконечный для червя-человѣка! Покажите мнѣ человѣка, который видя мышь потопающую среди свирѣпѣющихъ волнъ, бросится за нею, чтобы не дати погибнуть ей напрасною смертю? А сколько то меньши мы предъ Богомъ, чѣмъ мышь даже предъ самимъ мо-

гущественнѣйшимъ царемъ сего міра? А Богъ не гнушался предатися страшной участи, чтобы намъ погибающимъ, среди свирѣпѣющихъ волнъ грѣха, подати руку спасенія! Какова Его любовь къ намъ? Мы не въ состояніи разобрati ее, вообразити ее себѣ, мы лишь заключаемъ изъ того, что Онъ для насъ сдѣлалъ, что эта любовь Его безпредѣльна, несказанно больша, чѣмъ можетъ быти любовь самого нѣжнѣйшаго дитяти къ своей матери. А однако эта любовь не удержитъ Его, чтобы не дати владѣти строгой справедливости: Онъ, который столь возлюбилъ человѣка, осудить его на вѣчную погибель, гдѣ огонь не угасаетъ и червь не умираетъ! И смуতятъ-ли Его эти строгія мѣры, жаль и сочувствіе чадамъ Его столь Имъ возлюбленнымъ не помышляетъ-ли Его блаженству? Нѣтъ! Богъ неизмѣнъ, Онъ всегда блаженъ безконечно и этого блаженства Его ничто не въ состояніи, ни въ малѣйшей части поколебати. И если Онъ самъ останется въ своемъ блаженствѣ, хотя такъ беспощадно накажеть свои неключимыя чада, то и наше блаженство небесное нисколько не уменьшится тѣмъ, что мы будемъ видѣти лица, когда-то намъ столь дорогія, — которыя мы однако далеко не такъ нѣжно любили, какъ возлюбилъ ихъ самъ Господь, — преданными вѣчнымъ мукамъ, безъ всякой надежды спасенія. Не одному трудно вообразити себѣ это; однако то, что онъ не въ состояніи поняти

слабымъ своимъ разумомъ, пусть вѣра утверди гъ, которая все это намъ открываетъ, пусть утвердитъ св. писаніе, которое учитъ насъ, что тамъ будетъ радость безконечная, хотя и разлучится другъ отъ друга, мать отъ чада, мужъ отъ жены, и разлукѣ не будетъ конца.

И что же есть всѣ радости и роскоши мірскія? Суeta суеть и всяческая суeta, отвѣчасть на тотъ вопросъ св. писаніе. Одно есть лишь истинное счастье, а это счастье самъ Богъ. Ибо возможно ли счастіе истинное, если оно не совершенно и допускается еще большее счастіе? Скажите, гдѣ таій богачъ, который не желалъ бы имѣти болѣе богатства? Ты желалъ бы быти богатъ: скажи, гдѣ тотъ богачъ, который не имѣль бы различныхъ заботъ, отгоняющихъ не разъ сонъ отъ его глазъ? Ты видишъ богатое помѣстие съ необозримыми нивами, пространными лугами, зайдешь въ конюшню, и тамъ увидишь десятки хорошихъ лошадей и въ дворѣ илѣнятъ твоє око сотни различнаго скота, и подумаешь себѣ: о, если бы это все было мое, если бы я быль тѣмъ помѣщикомъ (*földes úr*), который ни сѣть самъ, ни жнетъ, а хорощенько живетъ себѣ въ своихъ палатахъ, и тысяча другихъ рукъ трудятся для него. Но не завиди ему: онъ въ своемъ счастіи, быти можетъ, гораздо несчастливѣе тебя! Его богатство доставляетъ ему болѣе заботъ и печалей, чѣмъ тебѣ твоя бѣдность.

Ты стараешься лишь о твоемъ маломъ хозяйствѣ: а у него на головѣ цѣлое великое помѣстie; тебѣ никто не беспокоитъ, если ты исполнишь совѣтно твою должностъ: а онъ всегда долженъ бранитися съ неключимыми службами, лѣнивыми поденщиками, о всемъ промышляетъ, если не желаетъ, чтобы его имѣніе расточилось; ты послѣ твоего дневняго труда, помолившись Богу, солодко ложишься спати: а у него часто сонъ уходитъ, и онъ, богачъ, не разъ завидитъ тебѣ нищему твой покой, твой сонъ. А сколько у него другихъ беспокойствъ, о которыхъ ты даже не имѣешь понятія? Сколько то завистныхъ очей смотрить на него и радуются злобно всякой его неудачѣ, каждому его несчастью? сколько рукъ злодѣйскихъ вытягивается за его имѣніемъ, сколько враговъ старается вредить ему! И ты называешь его счастливымъ!? О, въ этомъ счастіи его гораздо больше червей точить его сердце, нежели ты думаешь; и если бы тебѣ какимъ-то образомъ удалось доступити такого богатства: ты навѣрно неразъ лежа на мягкой постель безсонно, грустно вспоминаль бы тѣ спокойныя ночи, которыя ты въ нищенствѣ своею провелъ на одной соломѣ, или даже на одной доскѣ. — Но даже положимъ, что вы найдете богача совершенно довольнаго собою, почивающаго беззаботно на мѣшкахъ сребренаго золота. Но счастливъ-ли онъ совершенно? Не мѣшаетъ-ли его счастію

попеченіє о сохраненіи нажитаго имѣнія, не страшить-ли его мысль, что его сокровища можетъ похитити воръ или разбойникъ, истребити огонь? Но что ему дѣется, если подумаетъ, что когда-то, скоро или поздно, прійдется ему оставить это все на землѣ, не взявъ съ собою ничего, кромѣ четырехъ досокъ гроба? И гдѣ же его счастье? Ужъ конечно, не возможно счастье безъ внутренняго покоя: а богатство никакъ этого покоя не даетъ, напротивъ того, оно всегда доставляетъ душѣ болѣе заботъ и беспокойствія. — Но неужели въ почестяхъ и славѣ сего міра состоитъ истинное счастіе? Опять отвѣчаю тебѣ словами св. писанія, что и это суета суеть и всяческая суета! Ибо та слава связана не съ меньшими беспокойствіями, какъ и богатство, а конечно, какъ я уже сказалъ, гдѣ нѣтъ внутренняго покоя, тамъ нѣтъ и счастья. Чѣмъ высшей почести достигнетъ такой человѣкъ, тѣмъ жаднѣе гонится за высшею степенью, а следственно тѣмъ и болѣе смущаетъ его всякая неудача, препятствующая ему въ достижени желаній. И снова видимъ тутъ то само, что видѣли на богачѣ: сколько глазъ завистныхъ смотритъ за его каждымъ шагомъ, чтобъ досмотрѣти чего нибудь, что удовлетворило бы ихъ злобѣ; сколько враговъ строится вредити ему, а сколько фальшивыхъ пріятелей обманываетъ его? Посмотримъ даже на самого царя: всѣ уважаютъ его, всѣ кланяются ему; но

счастливъ-ли онъ въ полномъ смыслѣ слова? не оставляетъ-ли счастье его ничего болѣе желати? О, любезнѣйшиe, этотъ золотый вѣнецъ, который онъ носить на главѣ своей, тяжко ему чувствуется, тяжелѣе, чѣмъ вы думаете. Ты заботишься лишь о одной твоей хатѣ: но у него на головѣ вся держава, всѣ его подданные, о которыхъ всѣхъ онъ долженъ промышляти, о нихъ старатися; воистину, та почесть, которую всѣ ему отдаютъ, очень дорого обходится ему. И гдѣ же то счастье, о которомъ ты въ своей избѣ покойно мечтаешь не соображая соединенныхъ съ нимъ неудобствъ? Здѣсь на землѣ его нѣтъ и быти не можетъ. Хотя бы кто нибудь весь міръ покорилъ подъ ноги свои, хотя бы всѣ богатства свѣта принадлежали ему, это не успокоило бы его: ему скоро наскучило бы все, все это никакъ не увеселяло бы его, онъ скоро сталъ бы промышляти, какъ бы покорити подъ свои ноги еще и луну и звѣзды небесныя, — а не могши достигнути своихъ желаній, покой своей души, свое счастье онъ бы потерялъ. Какъ несчастливъ ты иногда, если не успѣешь достигнути чего-нибудь! Ты тогда самъ собой не доволенъ, все мерзитъ тебя, ты не можешь спати: однимъ словомъ, ты въ ту пору несчастливъ. Это сталось бы и съ тѣмъ богачемъ, владѣтелемъ всего міра, если бы уже не былъ въ состояніи далѣе распространити свою силу. И ему скоро все бы омерзѣло,

ему и та счастливая жизнь наскучила бы. — Но положимъ, что такой человѣкъ чувствовалъ бы себя совершенно счастливымъ, положимъ, что онъ не желалъ бы уже большаго счастья, что въ этомъ своемъ счастьи желалъ бы остатися вѣчно. Но вотъ уже и въ этомъ желаніи лежалъ бы корень несчастья. Онъ бы желалъ въ этомъ счастіи остатися вѣчно, но вмѣстѣ и зналъ бы, что это желаніе не совершиится, ибо вконцѣ все таки надобно ему оставить сей міръ, оставить свою счастливость. И вотъ уже его радость возмущена, уже и конецъ его внутреннему самодовольствію, печаль вдругъ водворилась въ его груди. Уже по этой одной причинѣ невозможно истинное счастье въ семъ свѣтѣ, что оно не можетъ быти вѣчно. Да, чѣмъ больше счастье, тѣмъ большею печальною наполняетъ насть опасеніе потерять его; а если мы вѣрно знаемъ, что потерянемъ его непремѣнно, то нечего и говорить.

Въ виду этого что же намъ дѣлать? Пойдемъ-те на гору Щаворскую и станемъ тамъ съ тремя учениками, разглядимъ, что они видятъ, услышимъ, что Петръ говоритъ: Добрѣ намъ есть здѣ быти, сотворимъ убо три сїни, Тебѣ едину и Мойсееви едину и Иліи едину и останемся здѣсь на вѣки. За тѣмъ счастьемъ гонимся и мы, а оно всѣмъ намъ отворено, всѣхъ оно ожидаетъ. Дѣло лишь въ томъ, чтобы мы сами самохотно не лишились его. Это счастье истинное,

счастье совершенное, такъ что большее уже немыслимо, это счастіе вѣчное. Стоитъ возлюбленныи, пожертвовать всею жизнію, всѣмъ міромъ симъ, всѣми его богатствами и роскошами, чтобы достигнути того блаженства небеснаго. Если кто хочетъ быти ученикомъ Христовымъ, долженъ отвергнуть самаго себя, взять крестъ свой и послѣдовать Христу. Не сѣтуемъ, если несчастья и бѣдствія огорчаютъ жизнь нашу, помнѣмъ всегда, что это все можетъ намъ служити средствомъ къ пріобрѣтенію счастія вѣчнаго, если мы только схочемъ употребити это къ тому. Способъ простый: терпѣти и съ упованьемъ предавшия волѣ Божьей, относити все къ славѣ Господа. Нѣть удобнѣйшей случайности показати вѣрнымъ сыномъ Отца небеснаго, показати истиннымъ христіаниномъ, какъ въ терпѣніи и несчастіи; нѣть добродѣтели большей любви, а любовь къ Богу именно больше всего проявляется въ смиренномъ сношеніи ниспосылаемыхъ Имъ печалей: по этому ничто не заслуживаетъ намъ болѣе награду небесную, чѣмъ святое терпѣніе. — Но и въ счастіи можемъ мы заслужити себѣ вѣчное блаженство, если именно не смотря на это счастье, не забудемъ о Бозѣ, и нашу радость отнесемъ къ славѣ Его. Ибо какъ въ бѣдствіи человѣкъ невольно обращается къ Богу: такъ противно въ счастіи, о сколько онъ на землѣ возможно, онъ весьма легко забываетъ о Немъ, забываетъ о томъ, что онъ

соторенъ на славу Божію. Но кто въ счастії памятаєть на подателя счастія, благодарить Его всегда, добрыми дѣлами показываетъ свою благодарность, и всегда готовъ пожертвовать симъ земскимъ счастьемъ, если бы Господь требовалъ того отъ него: тотъ служитъ Богу вѣрно, тотъ и въ счастії своемъ заслуживаетъ себѣ блаженство вѣчное. — Доброму бо все споспѣшествуетъ къ добру, говорить св. писаніе: добрый и въ счастії и въ несчастії найдеть способность работати для жизни вѣчной. Туда обратимъ и мы наши стремленія; не свяжемся безмѣрно съ земными благами, съ времененнымъ, ничтожнымъ счастіемъ, не дадимъ несчастіямъ и забо-тамъ подавити духа нашего; но памятаемъ всегда, что есть лишь одно истинное счастіе, счастіе небесное, къ которому отнесемъ всю жизнь нашу, всѣ наши злоприключченія и радостные часы: Богъ да будетъ начало и ко-нецъ, основа и цѣль всѣхъ нашихъ дѣйствій, всѣхъ моментовъ жизни на-шей, чтобы Онъ когда-то былъ и окон-чательно нашей наградою, Отецъ, Сынъ и Духъ св., которому подобаетъ вся-кая слава, нынѣ и присно и въ вѣки вѣковъ. Аминь.

Произнесено въ Чертежи около Ся-
нока г. 1886. въ народномъ слогѣ.

Новости, смѣсь.

— Многоуважаемыхъ подписчиковъ
своихъ, подписка которыхъ кончилась, по-
корнѣйше просимъ: изволять обратною

почтою обновити подписку, ибо въ про-
тивномъ случаѣ, по причинѣ скудости
средствъ, принуждены будемъ прекратити
изданіе „Листка“. Того, чтобы мы тру-
дилися, да еще собственными средствами
платили за печатаніе, никто отъ насъ
пожадати не можетъ. Съ минувшаго года
осталось у насъ около 150 гульд. ре-
станціи, которая и до сихъ поръ не вы-
плачены. Въ текущемъ году не можемъ
подвергти себя подобной экспериментациі.

Редакція.

— Его Преосвященство Владыка
Мукачевскій Іоанпъ 11-го августа с. г.
по нов. ст. прибылъ въ свой престольный
городъ.

— Его Преосвященство Епископъ Му-
качевскій Іоанпъ благоизволилъ пріяти
дочь Вароломея Поппа, бывшаго судей-
скаго писаря, Каролину въ Унгварское дѣ-
вочее заведеніе бесплатно; за которое бла-
годѣяніе благодѣтельствованій изъявляетъ
Его Преосвященству свое глубочайшее bla-
годареніе.

— Епархиальное наше Прави-
тельство велѣло напечатати протоколы
изслѣдованія подержаннаго въ Г.-Дорогѣ,
въ дѣлѣ избранія тамошняго приходскаго
священника, и они разошлются сими днями
консисторіальнымъ присѣдателямъ въ 100
экземплярахъ.

На конкурсѣ причетническомъ 7-го
июля т. года приняты на первый годъ въ
Будапештъ: Андрей Азари; въ Унгвар-
скую же семинарію слѣдующіе: Михаилъ
Вюсаникъ, Николай Воловчакъ, Евгеній
Горзовъ, Сигісмундъ Загоняй, Іоанпъ Ква-
ковскій, Андрей Сабовъ, Эмілій Шерегелли,
Феодоръ Шимша. — Информаторами бу-
дутъ а) въ конвиктѣ сиротъ-мальчиковъ
священническихъ: Даніиль Сабовъ причет-
никъ, и Валентинъ Горзовъ, — б) въ алум-
ней священническихъ сыновей: Несторъ
Сильвай причетникъ, и Василій Кекерчени,

— въ алушнѣ же пѣвческихъ и учи-
тельскихъ сыновей: Стефанъ Даніловичъ
причетникъ, и Викторъ Рацъ. — Въ ни-
сари епископскіе на конецъ приняты: Іо-
сифъ Андрейцо, Даніилъ Гаджега, Павелъ
Генци, Николай Гуловичъ, Феодоръ Дудин-
скій, Іоаннъ Кричталуши, Георгій Митро-
вичъ, Стефанъ Табаковичъ и Гаврілъ Чопей.

— Школьный годъ при Унгвар-
скомъ єеол. лицѣ начнется 3. (15.) сен-
тября; въ предваряющіе же дни, отъ 10-го
сентября начавши, подержатся испыты до-
полнительные и исправительные; 2. (14.)
сентября вечеромъ долженъ каждый при-
четникъ быти въ семинаріи.

— Имѣніе Анталовскoе, соключен-
ное съ правомъ патронства, перешло на сихъ
дняхъ въ собственность князя Людовика
Рогана.

— Именемъ. 30. іюля (11. авг.) от-
былося браковънчаніе Евгения Ферен-
чика, окончившаго курсъ Богословія и
Ксении Фенциковой, дочери редактора
нашего „Листка“ въ Порошковѣ.

20. іюля ст. ст. скончался въ сво-
емъ имѣніи Знаменскомъ М. Н. Ка-
тковъ, славный русский публицистъ и
славянофиль.

— Книги церковныя, какъ то:
Евангелія, Служебники, Требники, Изборники,
Ирмологіоны, Апостолы, Часословы, Минеи,
Октоихи, Тріоди, Трефологіоны, Тишки,
Псалтири, Акаѳисты — можно получить въ
книгарии „Ставронигійскаго Института“
во Львовѣ, по дешевымъ цѣнамъ.

— На школьный годъ 1887—88., при
обеспеченнїи заботливаго дозора, за умѣрен-
ную плату принимаетъ учениковъ
элементарныхъ и гимназическихъ школъ,
въ сосѣствѣ купели „Квасной воды“, въ
домѣ вдовы Шнековской въ Унгварѣ супруга

Валентина Лакатоша, статскаго
учителя.

— Изъ В.-Ростоки (въ Бережской Вер-
ховинѣ) доносятъ намъ, что тамъ народъ
безмѣрно переданъ пьянству, и что необхо-
димо бы предпринять какія-то мѣры, чтобы
препятствовать злу. Въ В.-Ростокѣ вотъ
какая пѣсенка въ модѣ:

„Ей куда иду, туда иду, корчму не минаю,
Дай жиде паленки, бо гроши не маю;
Коли вижу корчму, доразъ до пей иду
И довѣдуся
За любу милу паленку, тай нальюся:
Упаду въ болото
Якъ золото“ . . . и проч.

— Американскія правила жиз-
ни: 1. Основательно изучай дѣло; 2. твердо
держись одного и не мѣняй своихъ занятій;
3. будь скоръ, но не поспѣшенъ; 4. во
всемъ, что ты дѣлаешь, поступай система-
тично; 5. начатое дѣлай до конца; одно „се-
годня“ стоитъ двухъ „завтра“; 6. не слу-
шай слишкомъ много совѣтовъ, а будь са-
мостоятеленъ; 7. держись твердо прия-
тихъ рѣшеній и будь пунктуаленъ до ми-
нуты; 8. не будь никогда бездѣятельнымъ,
давай всегда полезную работу рукамъ и
головѣ: отдыхать онѣ могутъ только во
время сна; 9. будь мягокъ ко всемъ, будь
великодушенъ на словахъ и на дѣлѣ, по-
магай другимъ на тернистомъ пути жизни;
10. начинай всегда съ малаго; 11. стоящіе
на верху всѣ были когда-то внизу; 12. не
стремись къ быстрому обогащенію: неболь-
шая и вѣрия польза обеспечиваетъ благо-
состояніе; и на конецъ, 13. помни, что
мысли приадлежать тебѣ, слова же ста-
новятся достояніемъ другихъ. („Волынь“).

Переписка Редакціи.

— И. Р. въ. Ч. Выплачено до конца
сентября т. г.

Нръ. 16. Унгваръ, 15. (27.) августа 1887 Годъ III.

Выходитъ

1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца
въ объемѣ
одного печатнаго
листа.

ЛИСТОКЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная цѣна:

На годъ 4 гульд.

На $\frac{1}{2}$ года 2 "

На $\frac{1}{4}$ " 1 "

За границею 5 гульд.

Подписку и разныя
статьи адрессовати
следуетъ редактору
въ Порошково.
(Poroskó Ungmegye).

Отвѣтственный Редакторъ: Евгений Фешникъ.

При началѣ будущаго 1887/8. школьнаго года.

Родители приготовилися уже, и днесъ завтра отвезутъ любимыхъ дѣтей своихъ, радость и уг҃ху свою, надежду угро-русскаго народа и ми-лаго отечества нашего въ города, чтобы продолжати имъ студіи свои, чтобы сдѣлать изъ нихъ вѣрныхъ сыновъ церкви, полезныхъ гражданъ отечества, и опытныхъ вождей угрорусскаго народа. Конечно молодежь наша лишь тогда можетъ сдѣлаться способною для своего будущаго назначения, лишь тогда можетъ соотвѣтствовать надеждамъ нашимъ, которыя полагаемъ въ ней, если будетъ держатися пути правды, если будетъ руководитися истиной. Наименьшая ложь, которою руководился въ молодости юноша, горько отразится на немъ въ дѣйствительной жизни. А у насъ — увы — однако въ модѣ, что некоторые родители русской народности ча-

сто вписываютъ въ протоколы при вписываніи сыновъ ихъ въ гимназіи, что материнскій языкъ ихъ не русскій, а мадьярскій. Такое невѣрное поступованіе портить прежде всего характеръ дѣтей, ибо тѣмъ привыкаютъ ко лжи; въ вторыхъ приводить въ заблужденіе начальство; на конецъ содѣйствуетъ тому, чтобы юноши пренебрегали свой материнскій языкъ. Не можемъ довольно рекоммендовати родителямъ, чтобы при вписываніи сыновъ своихъ въ гимназическіе классы, со взоромъ на материнскій языкъ, всегда руководилися истиной; относительно сего дѣла не считаемъ излишнимъ помѣстить тутъ одно окружное посланіе бл. п. великаго епископа Василія Поповича:

„3533/1862. Возлюбленніи во Христѣ Сынове, Превелебніи Намѣстники и Парохи! Ко свѣдѣнію Епархіалнаго Правительства пришедшу тому, что

въ минувшемъ 1861/2. училищномъ годѣ великая часть русскихъ сыновъ не токмо своимъ произволеніемъ, но что больше и тѣмъ жалче, самыми родителями подъ чашь записыванія своего во записники здѣшнія гимназіи, стыдящіеся отъ красныя своея русскія народности, и пренебрегающею, себѣ не русинами, но уграми т. е. мадярами записати дали, тогда когда каждый народъ и племя о своей народности и языцѣ много подвизается, и тую всею силою своею обимати потщаєтся. Если мы сами, малочисленный народъ, данную намъ народность и воздѣлованіе языка непредпріймем, что можеме ожидати во будучности? Еслибо сами себѣ противорѣкаемъ, то не будетъ дивно, ежели всегда на задѣ постанеме и во дѣлѣ образованія народнаго и движенія его весьма залишившися тогда, когда вси прочіи народы поднимаются и славятся своимъ происхожденіемъ. Тогоради Всти Ваша сесимъ воззываю: чтобы есте въ пристойное вниманіе важность дѣла сего взяли, и какъ сами сыны ваша русинами, отъ чего больше нѣсть что стыдитися, записывать давали, такъ также и вѣрниковъ вашихъ на то возбуждали и повождали. — Вирочемъ при подаянії Епископскаго благословенія пребываю въ Унгоградѣ 1-го

Новембрія 1862. г. Възлюбленностямъ Вашымъ всеблагосклонный во Христѣ отецъ: Василій Епископъ св. р.“

Вотъ какъ писаль великий Поповичъ, о которому надѣемся, никто не станетъ утверждати, что не былъ великий патріотъ; но Онь умѣлъ съединити горячее отечестволюбіе, съ не менѣе горячимъ народолюбіемъ. Не забудемъ про отцевское наставленіе его!

Человѣкъ безъ религіи и безъ Бога.

Отъ иѣкотораго времени присматриваемся мы одному удивительному явлению, а присматриваемся ему довольно равнодушно, безъ всякаго содроганія.

Явленіе это представляетъ намъ одно пятьнадцати лѣтнєе дитя, кото-
рое уже ни во чѣто не вѣрюеть! Но скажу больше: есть тысяча пятьнадцати лѣтныхъ дѣтей, и двадцати лѣт-
нихъ юношей, у которыхъ нѣтъ ни-
какой религіи!

Да, безвѣріе начинается днесъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ, -- вотъ чѣто особенно печально.

Если кто-то въ сороковыхъ го-
дахъ, при свѣтѣ зрелага разума, из-
участъ христіанство, и бросить оное:
то конечно, трудно поняти и такое
несчастіе; но въ семъ случаѣ я го-
товъ по крайней мѣрѣ отдать приза-
тельность такому человѣку. Но дѣло
стоитъ тутъ совсѣмъ иначе,

Вотъ одно дитя. Съ такою нѣжною заботливостію воспитываетъ его милая мать, какъ это только возможно. Отъ колыбели отдаляетъ отъ него все то, что могло бы отуманити чистоту его дѣгства. Изъ своихъ благословенныхъ материнскихъ рукъ въ десяти лѣтнемъ возрастѣ передаетъ его въ святые руки церкви, которая съ почтительностью прикасается его ангельской души, воспитываетъ, очищаетъ ее. Послѣ тронуто видѣть мать, какъ идетъ дитя въ церковь, чтобы торжественно начати служеніе Богу. О мать! внимательно осмотри сына своего; молоденькая душа его теперь въ первый разъ съединяется съ Богомъ, — и авось въ послѣдній разъ!

Но и слезами своими не докучай ему, ибо легко статися можетъ, что твой пятьнадцати лѣтній сынъ дастъ тебѣ такій отвѣтъ, какой однажды при мнѣ между слезами получила одна мать: „Чего мнѣ дѣлать въ церкви, я уже не вѣрю въ Бога“!

Сказалъ бы кто-то, что это только ребяческая бесѣда, минутный пыль. О нѣтъ! Это начало одной цѣлой жизни, которая продлится до пятьдесяти, шестьдесяти, семидесяти лѣтъ. Есть даже люди, которые въ глубокой старости безъ того сходятъ въ могилу, чтобы очнулись изъ своего безвѣрія, — безъ того, чтобы посвятити нѣсколько минутъ тому вопросу, отъ котораго цѣлая вѣчность ихъ зависитъ!

Вотъ это то явленіе. Новое, неслыханное, необъяснимое. Ибо хорошо

должны мы замѣтити, что тутъ придетъ остановитися не только надъ дѣтскимъ возрастомъ, не только надъ раннимъ паденіемъ; но и надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сіе несчастіе приняло огромные размѣры. Давно, если кто-то въ пятьнадцати, двадцати лѣтнемъ возрастѣ и позабылъ про свои религіозныя обязанности, — но осталась у него вѣра; если и палъ, если грѣхъ и глубоко вкоренился въ сердце его, но тамъ бодрствовала вѣра въ Бога, надежда на Іисуса Христа, а изъ молитвы, и изъ любви Божіей только что и найменьшее дуновеніе могло воспламенити ихъ. Днесь на одинъ махъ разрушены всѣ преграды, всѣ якори (*horgony*) разломаны. Не токмо православно-каѳолическая вѣра, но всякая вѣра, всякая религія вылетѣла изъ сердецъ. Нѣтъ болѣе ни молитвъ, ни престола, ни Іисуса Христа, увы! уже и Бога нѣтъ — въ пятьнадцати лѣтнемъ возрастѣ!

Нѣ правда-ли, печальное явленіе тотъ школьный мальчикъ, который уже ни въ что не вѣруетъ? Оно было бы въ самомъ дѣлѣ смѣшно, еслибы при видѣніи его слезы не наполняли очи наши. Одинъ юноша, который еле созрѣлъ, который еще не въ состояніи размышляти серьезно, не способенъ еще для изслѣдованій, а онъ уже бросаетъ все, что послѣ глубокихъ изслѣдованій вѣрилъ Боссюэ, Паскаль, Фенелонъ, Декартъ, Нютонъ, Лейбницъ, Эйлеръ. — Въ гла-

захъ сго шесть тысячъ-лѣтняя религія, девятьнадцати вѣковое христіанство это все ложь, глупство, тьма, суевѣріе! Осмотритъ христіанство, или чей и неудостоиваетъ сго вниманія, и броситъ прочь. А съ нимъ бросаетъ всякую вѣру, всякую религію, совѣсть, еще и вѣру въ Бога. И вотъ либеральные умы нашего вѣка гордо говорятъ: „Это наши сыны!“ Въ самомъ дѣлѣ прекрасные сыны!

И еслибъ это явленіе показывалось лишь у нѣсколькоъ болѣе или менѣе испорченныхъ юношай, то нечего было бы удивлятися; вѣдь знаемъ, что холдность къ догматамъ вытекаетъ изъ пренебреженія обязанностей, и такъ наше моральное состояніе дало бы объясненіе о разстройствѣ душъ ихъ. Но подвопросный недугъ совсѣмъ иного свойства; онъ собѣтъ съ прямаго пути каждого внимательнаго наблюдателя. Въ семъ недугѣ страдаютъ не токмо нѣсколько юношай, болѣе или менѣе потерявшихъ главу, но страдаютъ тысячи и тысячи. Половина сыновъ Франціи въ пятьнадцати лѣтнемъ возрастѣ теряетъ вѣру свою, всю вѣру.

Но гдѣ корень зла? какъ объяснити это раннее, неизмѣримое, общее паденіе?

Говорятъ: очень просто. Все причиняютъ страсти. Но вопрошаю: развѣ въ другое время не было страстей? а если были, то причинили-ли что-то подобное? Было-ли человѣчество когда-нибудь свидѣтельствомъ такого плачевнаго зрѣлища: чтобы изъ ме-

жду сто дѣтей — восемьдесятъ потеряло вѣру, всю вѣру, въ пятьнадцати лѣтнемъ возрастѣ? А къ тому вѣрно-ли то, что у нихъ испорченность сердца всегда предупреждаетъ безвѣріе?

(Продолженіе слѣдуетъ)

Потопъ.

(Библейское преданіе).

I.

Тогда Эдемаиль собралъ весь народъ на обширную площадь.

Эдемаиль принадлежалъ къ числу тѣхъ до потопныхъ исполиновъ, о которыхъ говоритъ Свящ. Писаніе.

Онъ былъ гигантомъ даже между исполинами. Его гордая голова возвышалась надъ головами всѣхъ; его огромная, жилистая шея была полу-закрыта густою бородою и длинными волосами, которые въ безпорядкѣ падали на могучія плечи. Черные глаза зловѣще сверкали. Широкій, но изборожденный глубокими морщинами лобъ, изобличалъ въ немъ волнуемую страстью душу; такъ иоля, изрытыя потоками лавы, свидѣтельствуютъ о скрытомъ жерлѣ душущаго огнемъ вулкана.

Быстро собрался народъ на его призывъ, ибо Эдемаиль имѣлъ огромную власть надъ нимъ. Онъ былъ идоломъ для однихъ, ужасомъ для другихъ, но всѣ равно подчинялись его могуществу.

Онъ поднялъ руку; величественнымъ жестомъ призвалъ онъ всѣхъ къ молчанию, и народъ, который наполнялъ площадь, усыпалъ крыши домовъ, террасы и стѣны, который волновался и гудѣлъ подобно бурѣ, мгновенно затихъ.

Загремѣлъ грозный голосъ Эдемаила.

— Народъ, сказалъ онъ, народъ, доколѣ ты будешь преклонять свою выю подъ десницей Господа, доколѣ будешь пресмыкаться по землѣ, какъ червь? Ужели ты не усталъ каждый день съ зарею спѣшить на свои поля и затѣмъ, утомленный и покрытый потомъ, съ послѣдними лучами солнца возвращаться въ свои жалкія жилища, чтобы встрѣтить тамъ только нужду и проглотить кусокъ хлѣба, омоченный слезами? Примирился ли ты со своими страданіями, народъ? Хочешь ли ты всегда влачить свою жизнь въ оковахъ и склонять свои чресла (*águyék*) подъ проклятиемъ Іеговы?

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнули тысячи голосовъ.

— Хорошо; имѣй только мужество захотѣть, — и ты будешь свободенъ, и ты будешь силенъ! Народъ, ты нынѣ рабъ, тогда будешь господиномъ, ты нынѣ подданный, — тогда будешь царемъ. Народъ, тебѣ одному должна принадлежать власть, только тогда ты будешь могущественъ, только тогда возможна справедливость, такъ какъ человѣкъ, взятый въ массѣ

непогрѣшимъ. Напрасно твои враги говорягъ тебѣ, что каждый изъ настѣ можетъ ошибиться, — взятые вмѣстѣ, мы не можемъ ошибаться и заблуждаться. Только глупцы могутъ говорить это; только слѣпые не могутъ видѣть твоего величія и презирать твое могущество.

Послыпался глухой ропотъ толпы.

— Правда, правда! Слава Эдемаилу! воскликнулъ народъ.

— Только одинъ человѣкъ изъ всѣхъ, продолжалъ ораторъ, осмѣливается презирать тебя, народъ: это — Ної. Да, этотъ лицемѣръ Ної, который хочетъ, чтобы всѣ вы склонили свою выю подъ иго Іеговы и склонгуетъ вамъ унижать самихъ себя... Ужели вы и вредъ будете слушать этого презрѣннаго злодѣя? Ужели не заткнете уши, когда онъ будетъ говорить вамъ?

— Смерть, смерть Ною, врагу народа, заревѣла толпа.

Эдемаиль продолжалъ:

— Народъ, хочешь ли ты быть свободнымъ?

— Да, да, мы будемъ свободными!

— Хорошо, — тогда возстань противъ твоего тирана!

— Но кто этотъ тиранъ?

— Іегова! отвѣчалъ возмутитель.

— Гдѣ-же мы схватимъ Его?

— Тамъ въ вышинѣ, отвѣчалъ Эдемаиль, указывая на голубую лазурь неба яростнымъ жестомъ.

— Въ вышнїхъ? Но небо недоступно намъ?

— Не вѣрьте. Развѣ вы не замѣтили, что вершины нѣкоторыхъ горъ касаются неба? Мы взойдемъ на эти вершины и проникнемъ въ царство, гдѣ владычествуетъ Іегова. Мы предадимъ Его смерти и будемъ сами владыками вселенной. Тогда то, народъ, не будетъ болѣе труда, не будетъ утомленія, пота, страданій. Мы будемъ богами, мы будемъ счастливы. Мы будемъ проводить жизнь въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ.

Народъ, глупый до смѣшиаго, спросилъ, нужно ли построиться въ ряды и начать нападеніе.

„Нѣть, отвѣчалъ гигантъ. Но пришло еще время. Вы видите бѣлые снѣга и льды, покрывающіе вершину Ливана. Гора теперь еще недоступна, но когда жаркіе лучи лѣтняго солнца растопятъ ледъ Ливана, когда зазеленѣютъ горные склоны, тогда мы сдѣлаемъ нападеніе на небо и свергнемъ нашего тирана“.

— Слава, слава нашему освободителю! Слава Эдемайлу! восклицала толпа, расходясь.

II.

Въ это время Ной, благочестивый и почтенный отецъ семейства, трудился въ полѣ со своими тремя сыновьями, Симомъ, Хамомъ и Іафотомъ, ихъ женами и нѣсколькими рабами. Это было простосердечное, добродѣтельное семейство, чтившее Бога, считавшее трудъ не тяжелымъ яромъ, а

необходимостью, или лучше сказать, своимъ долгомъ по отношенію къ Богу и къ самимъ себѣ. Ихъ жребій, повидимому тягостный, наполнялъ ихъ сердца радостью. Всѣ они находились въ тѣсномъ единодушіи и вмѣстѣ вкушали самыя чистыя наслажденія.

Вечеромъ, когда солнце склонялось къ закату, Ной и его дѣти возвращались домой, гоня передъ собою свои многочисленныя стада.

Вдругъ, когда они приближались къ одному холму, заросшему деревьями, еще лишенными своего лиственного покрова, на встрѣчу имъ бросился человѣкъ гигантскаго роста; за нимъ слѣдовала толпа мужчинъ и нѣсколько женщинъ изъ сосѣдняго города, известныхъ своими весьма дурными нравами.

„Га! Вотъ онъ, врагъ народа! Вотъ лицемѣръ, порицающій наши удовольствія! Вотъ тотъ, о которомъ я говорилъ сегоднія народу“ . . .

Но Ной, не отвѣчая на ругательства, спокойно продолжалъ свой путь. Его сыновья хотѣли броситься на Эдемайла, чтобы отмстить за своего отца, но Ной остановилъ ихъ.

„Оставьте, сказалъ онъ, Богъ велѣлъ намъ переносить обиды и прощать нашимъ врагамъ.“

— А! Онъ не только лицемѣръ, — онъ трусъ, заревѣль великанъ. Да, трусъ, потому что не осмѣливается отвѣчать мнѣ, боится помѣряться со мной.

Ной продолжалъ спокойно идти со своими сыновьями. Тогда Эдемаиль съ страшнымъ проклятіемъ, какъ молнія, устремился на старца.

Жены Сима, Хама и Іафета бросились къ ногамъ исполина, но онъ грубо оттолкнулъ ихъ и занесъ страшную руку свою надъ головою Ноя.

Ной долженъ былъ погибнуть подъ ужаснымъ ударомъ . . .

Но вдругъ раздался внезапный крикъ, и Эдемаиль пораженный въ лобъ, упалъ на землю. Волна крови была изъ широкой раны. Спутники и спутницы великана, пораженные паническимъ ужасомъ, обратились въ поспѣшиное бѣгство.

Это произшествіе было такъ неожиданно, что ни Ной, ни его сыновья не замѣтили паденія колосса; они думали, что онъ бѣжалъ съ прочими, которые быстро скрылись изъ ихъ глазъ.

Эдемаиль хотѣлъ подняться и броситься за старымъ патріархомъ, но невидимая рука удержала его, а съ небесъ загремѣла могучій голосъ.

„Я поразилъ тебя, Эдемаиль, за твои беззаконія по отношенію къ рабу моему Ною, и — хорошо помни это — каждая угроза твоя ему падеть на твою собственную голову. Я Іегова, защитникъ добрыхъ и отмститель злымъ. Ты возбуждаешь народъ къ восстанію, но помни, Моему долготерпѣнію есть предѣлъ и проѣдь уже часть возмездія“.

(Конецъ слѣдуетъ).

Исповѣдь.*)

Подъ рясой чорной, въ кельи душной,
Кончаю я тяжелый путь
И покидаю свѣтъ бездушный.
Слабѣеть духъ, мятется грудь. . .
Подъ головой моей камень —
На немъ усну. Вокругъ меня
Темнѣеть --- гаснетъ жизни пламень;
Какъ пальма степи вяну я.
Съ душою полною гордыни,
Когда-то, грозенъ и могучъ,
Я былъ вождемъ сыновъ пустыни;
Меня лелеялъ счастья лучъ.
Внимая голосу свободы,
Глядя на неба звѣзды рой,
Я забывалъ тоску невзгоды,
Мирися съ горькой нищетой. . .

*

Разъ погруженный въ размышеніе,
Я бѣжалъ, — возлѣ никого, —
Какъ вдругъ ильнитѣлое ильне
Коснулось слуха моего.
Тревожа сонъ степи безлюдной,
Тотъ гимнъ божественный въ горахъ
Звучалъ торжественно и чудно
И на землѣ и въ небесахъ.
Къ нему восторженно я мчался —
И вотъ все ближе, громче онъ:
То тихій колокола звонъ
Во мракѣ ночи раздавался.

*

Молились иконы. . . Во храмъ
Вошли въ страхѣ и смятеньи. . .
Горѣли свѣчи; лилось ильне;
Кругомъ посыпался єниміамъ.
На стѣнахъ звѣзды золотыя
Горѣли въ отблескахъ зори;
Волнами свѣта облитые,
Блестѣли ярко алтари;

*) Изъ поэмы Ю. Словацкаго „Монахъ“. Въ прежнихъ Нрахъ „Листка“ представили мы прозу автора; теперь сообщаемъ урывокъ изъ его поэзіи.

К.

Какъ цальмы горъ, колопы храма
Виднѣлись, золотомъ горя. . .
Вдругъ въ сѣтлыхъ волнахъ єнимама
Небесный ликъ увидѣлъ я.
То ангелъ былъ! одѣтъ лучами,
По храму тихо онъ летѣлъ
И лучезарными глазами
Миѣ въ душу темную глядѣлъ.
Творя горячія моленія,
Суля надежду, онъ парилъ. . .
Я палъ во прахъ. . . Съ того мгновенія
Я вѣрѣ предковъ измѣнилъ!

**Урывокъ изъ старославянской поэзіи (1821.
года.).**

(Переводъ извѣстнаго надгробнаго стиха Владислава
I. Короля угорскаго, погибшаго при Варнѣ 1444. г.
„Robulidae Cannas“.)

Гибелю Канны Римлане своею,
Азъ назнаменахъ Варнѣ подобиѣ мою.
Оучитеся смертніи вѣры нѣрѣшити!
Аще Герарси не бы мнѣ велѣли
Престѣпти клатвы даныя предѣлы,
Панноніѧ не бы стеналя подъ Скиты.

Письмо въ редакцію.

Мѣсяца сент. по н. ст. 11. дня
прибудетъ въ Требишовъ (ком. земпл.)
Его Императорское Величество Францъ
Іосифъ милостивѣйшій царь нашъ, съ
многими иностранными гостями на ве-
ликіе военные маневры. Для пріятія
Его Величества пріуготовленія, какъ
изъ части столицы, такъ и изъ части
города Требишова великою силою дѣ-
лаются. Его Величества придворные
достойники частѣйше посѣщають го-
родъ Требишовъ, и пріуготовляютъ
квартиры. Въ палатѣ графа Юлія Анд-

раши будапештскіе мастера уже
отъ большо нѣдѣль украшаютъ ком-
наты и мебель. Сего мѣсяца дня 13.
подъ предсѣдательствомъ наджупана,
въ присутствіи больше магнатовъ, по-
держано было въ городѣ Требишовѣ
великоѣ собраніе, на которомъ избрана
комиссія состоящая изъ 100 лицъ, для
пріятія на станціи желѣзной дороги
Его Величества. Комиссія та должна
появиться въ полномъ парадѣ (ta-
gyar diszoltözetben), до той комиссіи
изъ нашихъ русскихъ священниковъ
выбраны Впр. О.О. Александръ Пуз
Архидіаконъ, Іосифъ Саксунъ и Ачи-
тоній Кечкейшъ вицеархидіаконы. Вы-
брано и надзирательство для украше-
нія города, изъ больше лицъ состоя-
щее. Украшеніе города состояти бу-
детъ изъ трехъ тріумфальныхъ во-
ротъ, 500 бандеристовъ, 100 въ бѣ-
ломъ платью дѣвушекъ, 300 націо-
нальныхъ прaporовъ, и иллюминації
домовъ, которая каждого вечера до
10 часовъ держати должна. Гостей
всѣхъ будетъ до 160, которые и виѣ
палаты, по лучшимъ обиталищамъ раз-
квартированы будутъ (въ русскомъ
приходскомъ домѣ будутъ два заквар-
тированы). Маневры подержатся ме-
жду Требишовомъ, Сечовцами и Лас-
товцемъ и будутъ держати четыре
дня. Войска будетъ 40,000 человѣкъ.

М. Вр.

Полумѣсячное обозрѣніе.

— Нѣтъ болѣе несомнѣнной исти-
ны, какъ та, что образованіе народ-

наго материнскаго языка есть мѣръ образованности и просвѣщенія народа. У котораго народа материнскій языкъ образуется, гдѣ есть писатели, поэты, — тамъ и народъ находится на извѣстной, — образованію роднаго языка соотвѣтствующей, — ступени гражданственности; напротивъ, гдѣ родныи языкъ не образуется, — гдѣ никто не пишетъ на родномъ языкѣ, гдѣ нѣтъ писателей, поэтовъ, тамъ весь народъ находится въ примитивномъ состояніи, тамъ нѣтъ культуры, просвѣщенія, тамъ нѣтъ и быти не можетъ цивилизаціи — гражданственности. — Съ печальнымъ чувствомъ должны мы сознаться, что мы принадлежимъ къ послѣдней категоріи. Нашъ материнскій языкъ совсѣмъ пренебреженъ, почти никто не занимается имъ, — нѣтъ писателей, замолкли поэты, ни въ чиновственной, ни въ приватной перепискѣ почти никто не употребляетъ роднаго слова. Въ гимназіи есть каѳедра русскаго языка, но лекціи посѣщаетъ только тотъ, кому хочется, а обученіе совершаются тоже очень поверхностно. — Даже законъ Божій преподается русскому юношеству не на своемъ материнскомъ языкѣ. — А знаете-ли по какой причинѣ? Ибо на примѣрѣ въ VII-омъ и VIII-омъ классахъ нѣтъ русскаго учебника. — Развѣ мы умственно такъ убоги, что нѣтъ кому составити одинъ учебникъ? Иль тѣ учебники не составляются изъ небрежности, или чей нарочно (kész-

akarva)? Надѣемся, что тѣ люди, которые по своей должности занимаются обученіемъ юношества еще кое-когда на материнскомъ языкѣ, возьмутъ въ вниманіе, что именно они много, очень много могутъ сдѣлать для образования угрорусскаго народа, тѣмъ что дадутъ имъ людей, которые будутъ ловко владѣти своимъ материнскимъ языккомъ, полюбятъ его, и будутъ усиливатися переписыватися на немъ, приводити его въ жизнь. Если языкъ становится преуспѣвати, тогда будетъ преуспѣвати и народное просвѣщеніе, и бѣдный угро-русскій народъ чей кое-какъ вымотается изъ днешняго примитивнаго своего состоянія.

— Новоизбранный Князь Булгаріи, принцъ Фердинандъ Кобургъ, 10-го Августа по нов. ст. отправился изъ Будапешта въ свое новое отчество, а 14-го Августа вступилъ на булгарскій престоль.

— Новонаименованный наджупанъ ужанской вармеди, гр. Іосифъ Терекъ, вступилъ 24-го августа по нов. ст. въ свой престольный городъ Унгваръ, а 25-го числа, послѣ сложенія присяги перенялъ управленіе комитатомъ.

Св. Василій Великий и преп. Ефремъ Сиринъ.

Когда слава о благодатномъ архиепастире Кесарійскомъ, св. Василіи Великомъ, достигла пустыни, гдѣ по-

дризялся преп. Ефремъ Сиріянинъ, то посдѣдній стала усердно молитъ Господа — открыть ему, каковъ есть дѣйствительно св. Василій. Господь услышалъ моленіе вѣрного раба Своего и удостоилъ его откровенія. Однажды, когда преподобный стоялъ на молитвѣ, увидѣлъ онъ огненный столбъ, касавшійся вершиною неба. „Ефремъ!“ — воззвалъ при этомъ божественный гласть, — „таковъ Великій Василій“.

Узрѣвъ это видѣніе, блаженный Ефремъ пожелалъ собственными очами убѣдиться въ великихъ дарованіяхъ Кесарійскаго святителя. Не умѣя говорить по гречески, онъ взялъ съ собою переводчика и отправился въ столицу Каппадокіи. Путники достигли Кесаріи въ самый праздникъ Богоявленія и тотчасъ отправились въ храмъ, гдѣ св. Василій совершаѣтъ божественную службу. Увидѣвъ архипастыря, одѣтаго въ златотканныя ризы, увидѣвъ почести, воздаваемыя ему сономъ іересевъ, преподобный усумнился въ бывшемъ ему откровеніи. Когда онъ размышлялъ объ этомъ, св. Василій подозвалъ къ себѣ архидіакона и сказалъ: „иди къ западнымъ дверьмъ храма, и тамъ въ углу увидишь инока, — при этомъ святитель описалъ наружность преподобнаго; — скажи ему, что архіепископъ зоветъ его въ алтарь“. Архидіаконъ съ великимъ трудомъ прошелъ черезъ толпу молящихся и въ указанномъ мѣстѣ нашелъ преподобнаго. „Пойди въ алтарь“, сказалъ онъ, „тебя зоветъ отецъ

твой, архіепископъ“. По св. Ефремъ смиренно отвѣчалъ: „ты ошибся, братъ, — мы странники, ему незнакомы“. Архидіаконъ возвратилъ. Въ это время св. Василій началъ читать народу св. Евангеліе, — и вотъ, узрѣлъ преп. Ефремъ, что огненный языкъ вѣщаетъ устами святителя. Снова велѣлъ св. архіепископъ своему архидіакону: „иди и скажи ему: „господинъ мой Ефремъ, зоветъ тебя архіепископъ ко святому алтарю“. Архидіаконъ снова подошелъ къ преподобному, облобызалъ ноги его и передалъ повелѣніе святителя. Удивился блаженный Ефремъ, услышавъ свое имя и воскликнулъ: „воистину Духъ Святый вѣщаетъ устами его!“ Затѣмъ обѣцалъ архидіакону явиться въ сосудохранильницу по окончаніи литургіи.

Когда окончилась божественная служба, преп. Ефремъ Сиріянинъ вмѣстѣ съ своимъ переводчикомъ вошелъ въ сосудохранильницу. Св. Василій ласково встрѣтилъ преподобнаго, облобызалъ его и братски привѣтствовалъ о Христѣ. Святый же Ефремъ повѣдалъ ему все, бывшее съ нимъ, и затѣмъ пріялъ св. тайны изъ рукъ великаго святителя.

Пріобщившись св. даровъ вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, преподобный сказалъ великому Василію: „отецъ мой, я прошу у тебя одного дара“. — „Говори, да будетъ такъ“, — отвѣчалъ святитель. „Я знаю, отче святый“, — продолжалъ блаженный Ефремъ, „что все, что ты просишъ у

Бога, Онъ подаетъ тебѣ. Умоли-же Господа, чтобы я сталъ говорить по гречески". „Многаго ты просиши“, — сказалъ св. Василій, — „но по велику ты просиши съ вѣрою, то приди, наставникъ пустыни, и помолимся Тому, Кто имѣетъ силу исполнить прошеніе твое“. И они пали предъ св. престоломъ и долго молились Господу. Когда-же встали, спросилъ св. Василій: „отчего ты не примешь сана пресвитерскаго?“ „Грѣшень я и недостоинъ“, отвѣчалъ смиренный пустынникъ. „О, если бы я имѣлъ твои грѣхи“, сказалъ святитель и повелѣлъ ему сотворить поклоненіе. Когда-же преподобный преклонилъ колѣна свои, св. архинастырь возложилъ на него руку свою, и посвятилъ въ діакона, и повелѣлъ ему возгласить возгласъ діаконскій. И св. Ефремъ возгласилъ на греческомъ языкѣ: „Спаси, помилуй и сохрани насть Боже, Твою благодатію!“

Тогда всѣ присутствовавши приславили всемогущаго Бога, исполняющаго моленія вѣрныхъ рабовъ своихъ. И пробылъ прецодобный Ефремъ въ Кесаріи три дня, веселясь духовно, вмѣстѣ съ великимъ святителемъ Божіимъ Василіемъ. Потомъ же св. Василій Великій возвелъ его въ санъ пресвитера, а спутника его — во діакона, и отпустилъ ихъ съ миромъ, славящихъ Господа.

(Изъ „Русскаго Паломника“.)

Церковныя проповѣди.

Слово въ недѣлю XIII. послѣ пятидесятницы.

„Камсъ, егоже не въ ряду сотвориша виждущіи, сей бысть въ главу угла“. (Мате. 21, 42.)

Въ днешнемъ св. Евангеліи говорить Іисусъ Господь, что нѣкій богатый господинъ насадилъ виноградъ, огородилъ его, приготовилъ въ немъ точило т. е. тиски (*sajtó*) для выжиманія вина, — создалъ столъ т. е. виноградный домъ, словомъ снабдилъ его всѣмъ нужнымъ, и когда все это было готово, отдалъ виноградъ дѣлателямъ и отошелъ. Когда приблизилось винобранье, послалъ онъ слугъ своихъ, чтобы пріяли плоды. — Но дѣлатели не отдали плоды, а изъ слугъ одного били, другаго убили, а третьяго камнями побили. Господинъ послалъ другихъ слугъ, но дѣлатели, которымъ былъ вѣренъ виноградъ, поступили и съ сими подобнымъ образомъ. Наконецъ послалъ къ нимъ сына своего, надѣясь, что ему уже отадутъ плоды. Но дѣлатели, увидѣвъ сына господина, сказали между собою: „сей есть наслѣдникъ, пріидите убіемъ его, и удержимъ достояніе его“. И взяли его, вывели вонъ изъ винограда и убили. — Когда приидетъ господинъ, — вопрошаетъ Іисусъ Христосъ, — что сдѣлаетъ съ этими дѣлателями? Отвѣчали ему: погубить ихъ, и виноградъ отдастъ

другимъ дѣлателямъ, которые дадутъ ему плоды въ время свое.

Христіане! Христосъ Спаситель представляетъ намъ въ сей притчѣ цѣлую исторію Божественного домостроенія.

Богъ насадилъ виноградъ, значитъ: уготовалъ намъ царство отъ сложенія міра. Огородилъ его, ископалъ въ немъ точило, создалъ столицъ, — однимъ словомъ изъ своей части все устроилъ такъ, чтобы въ немъ человѣкъ истинное счастіе найти могъ. Но для того, чтобы спасти и счастливымъ сдѣлать человѣка, недостаточно, чтобы царство было готово, чтобы въ немъ было устроено все, что можетъ ублажати и счастливымъ сдѣлать насть; для того требуется еще, чтобы и мы были приготовлены для царства небеснаго, чтобы мы сдѣлалися благими и добрыми, чтобы сдѣлалися совершенными, чтобы высокія, духовныя радости царства небеснаго вмѣстити и ими наслаждатися могли; — чтобы искоренили изъ сердецъ нашихъ всякую злобу и нечистоту, чтобы научилися находити утѣху и удовольствіе въ радостяхъ чистыхъ, духовныхъ, божественныхъ. Вотъ для чего нужно было отдать виноградъ или царство небесное въ руки дѣлателей!

И господь отдалъ царство свое такимъ дѣлателямъ.

Изъ между многихъ народовъ выбралъ народъ еврейскій, заключилъ съ нимъ завѣтъ, далъ ему законы, при-

казалъ, какимъ образомъ нужно воздѣлывать виноградъ Его. Открылъ ему волю свою, устроилъ Богослужебные обряды, воздвигъ изъ среди его благочестивыхъ патріарховъ, судей, царей, пророковъ. Чудеснымъ образомъ содѣйствовалъ имъ, руководилъ ихъ Духомъ своимъ святымъ, даже всю волю, все домостроеніе свое съ пророчествами, прообразами велѣль чрезъ Богодухновенныхъ мужей написати во книгахъ святыхъ, — чтобы воля его, чтобы пробразы и пророчества были написаны письменами, чтобы не улетѣли, не прозвучали, какъ легучее, прозвучавшее слово. И что сдѣлалъ народъ еврейскій? Сихъ рабовъ Божіихъ, воздвигнутыхъ изъ среди его, оваго убо билъ, оваго убилъ, оваго же каменемъ побилъ. Рабы Божіи, посланные Богомъ, одинъ за другимъ гибли; заченіи отъ Авеля до Захаріи сына Варрахина, который погибъ предъ алтаремъ отъ рукъ убійць. — На конецъ послалъ Богъ Сына Своего, чтобы воздѣлывалъ виноградъ Его. Сынъ Божій взялъ на себя тѣло человѣческое и пришелъ на землю, училъ, благоворилъ, облагодѣтельствовалъ родъ еврейскій, — а что евреи? Благодѣтеля, наставника, учителя, Откупителя, Спасителя своего велѣли убити: пригвоздити Его къ кресту.

Что сотворить Господинъ винограда дѣлателямъ симъ?

Злыихъ злѣ погубить я, — а виноградъ отдасть дѣлателемъ другимъ.

О какъ вѣрно исполнилися, Христіане, эти вѣщія слова Господа нашего Іисуса Христа!

Не одолга обступиль римскій воевода Титъ Іерусалимъ, разорилъ его такъ, что не осталъ въ немъ камень на камени! Евреи же растеклися по цѣлому свѣту. Они вездѣ находятся и въ Азії, и въ Європѣ, и въ Африкѣ, и въ Америкѣ; и хотя они вездѣ, однако они нигдѣ не дома.

А виноградъ, а царство небесное, — что сталося съ нимъ? Царство небесное отдано другимъ народамъ: Римлянамъ, Грекамъ, Германцамъ, Славянамъ, Галламъ — эги то народы, которые пропадали въ поганствѣ, которые не знали истиннаго Бога; эти то народы призваны во царство небесное, и сдѣлалися дѣлателями его. „Камень, егоже не въ ряду сотворили зиждущіи, сей бысть во главу угла“.

Христіане! и такъ по Божіей благодати днесъ мы воздѣляемъ виноградъ Господень, днесъ мы должны трудитися въ томъ, чтобы отдать плоды Господину винограда.

О, прекрасная но вмѣстѣ и трудная задача!

Не думайте, христіане, что если нась избралъ Богъ въ дѣлатели винограда своего, не можетъ нась уже изгнati и зъ него. Видите, первѣе народъ еврейскій бывъ народомъ избранымъ, а онъ однако оставленъ Богомъ; ибо сдѣлся недостойнымъ, ибо не узналъ цѣль призванія своего. „Царствіе небесное нудится и нуж-

ницы восхищаются е“. Только тотъ, кто трудится, только тотъ, кто усиливается быти вѣрнымъ рабомъ, можетъ и на далѣе воздѣлывать виноградъ Господень.

Что же намъ дѣлать, чтобы сдѣлаться достойными призванія Божія?

Посмотримъ, что нужно было дѣлать и народу еврейскому.

Народъ еврейскій прежде всего долженъ быть освящати себя, долженъ быть усовершати себя, чтобы Огкупителя достойно приняти могъ.

Такъ должны и мы усовершати себя, должны освящати себя, чтобы для царствія небеснаго, чтобы для вмѣщенія высшей, духовной, Божественной радости способными сдѣлалися.

Христосъ Спаситель часто вспоминаетъ во св. Євангеліи, о человѣкахъ плотскихъ, тѣлесныхъ, — о человѣкахъ, которые живуть жизнь плотскую, тѣлесную, — Онъ часто укоряетъ въ семъ и учениковъ своихъ и св. Ап. Павель учитъ, „что плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ, ниже тѣніе нетлѣніе наслѣдствуетъ“. И такъ усилуйтесь прежде всего жити не тѣлесною, а духовною жизнію; не гонитеся за радостями тѣлесными, не ищите того, что мило, что солодко тѣлу или плоти; напротивъ усилуйтесь находити удовольствіе въ радостяхъ духовныхъ. Если Вы провадите дни ваши въ многочленіи и многояденіи, если ищете сладострастія, о тогда Вы не настоящіе труженики во царствії небесномъ; а

Если находите радость и утѣху въ молитвѣ, если Вамъ мило вспоминуги о Богѣ, если Вы чувствуете утѣху, когда размышляете о дѣлахъ Божіихъ, если въ душѣ вашей разольялося мирное, тихое, ублажающее чувство, когда Вы сдѣлали какое-то благое, Богоугодное дѣло, тогда Вы провадите духовную жизнь, тогда живете не по плотски, а духовно: тогда Вы вѣрные дѣлатели въ виноградѣ Божіемъ, во царствіи небесномъ.

Но народъ еврейскій, кромѣ того, что долженствовалъ освящатися и усовершенствовать себя, долженъ быль и правдивое Богопознаніе и Богочитаніе распространяти и между прочими народами; еврейскому народу назначено было быти разсадникомъ истинной Богооткровеной вѣры.

Такъ и мы христіане, должны во первыхъ укрѣпляти другъ друга въ правдивой вѣрѣ и добродѣтеляхъ, — а во вторыхъ отнести правдивое Богопознаніе и добродѣтельную жизнь и ко другимъ народамъ, чтобы повсюду ширилось царствіе Божіе, чтобы вездѣ воздѣлывалися и приготавлялися люди для царствія Божія.

Но увы, еврейскій народъ не довлетворилъ ни первой, ни второй задачѣ своей. Онъ не усовершилъ, не освятилъ себя; вѣдь въ часть пришествія Господня, евреи соблюдали только внешніе обряды, а о томъ не заботились, чтобы освящатися духовно; для чего Господь и сравняетъ ихъ съ гробами навалленными, которые изъ

внѣ бѣлы, а внутри наполненны мертвостями; евреи не довлетворили и второй задачѣ своей, ибо вмѣсто того, чтобы возврати исгинюе Богопознаніе между другими народами, сами погрузилися въ идолопоклонство. Для чего и отнято отъ нихъ царствіе Божіе.

Христіане! Изъ днешняго слова моего Вы могли понять, какъ заблагая Отець нашъ небесный о нашемъ счастіи, могли видѣти, что Онъ насадилъ для насть виноградъ, что всѣмъ恩абдилъ его, что нужно для нашего спасенія; могли видѣти, что виноградъ сей для воздѣлыванія отдалъ Онъ прежде народу еврейскому; но сей оказался недостойнымъ призванія своего, для чего работа въ виноградѣ отдана намъ и теперь мы трудимся въ немъ.

О потрудимся вѣрно, христіане: усовершимъ и освятимъ себя, чтобы радости приготовленныя намъ въ царствіи вмѣстити могли; погрудимся вѣрно, чтобы царствіе не было отнято отъ насть и не было отдано инымъ дѣлателямъ! Аминь.

Е. Ф.

Слово 2. надъ гробомъ отрока.

(Конецъ.)

Если бы и на далѣкѣ остался въ живыхъ, кто знаетъ, не осквернилъ ли бы былъ свою теперѣшнюю сиѣгосвѣтлую одежду; вѣдь „никто же безъ скверны, аще и единъ день житіе сго на земли“. Но ужо

нѣтъ чѣго опасатися, онъ спасень. — Вопрошаю теперъ, не въ самыи-ли найлучшій часъ возвратился отрокъ сей къ Создателю своему?

Съ кѣмъ мы познакомимся, кого любимъ, съ тѣмъ очень тяжело бываетъ разстаться намъ; го сіе мыслии еще не умѣющее дитя не было знакомо ни съ кѣмъ, оно не знало прелестный міръ и его красоту; оно было чуждо міру, и міръ быль чуждъ для него. Кромѣ матери своей не любило оно никого, но и матерь свою любило не сознательно. Оно не чувствовало себя ни къ кому привязаннымъ; для того кончина его была легка, духъ его отлетѣлъ безмятежно, какъ стонъ вечерняго вѣтерка. О не такъ легко умираютъ люди, которые познакомились съ сего свѣтнею красотой, которые въ каждомъ предметѣ оставляютъ одинъ прекрасный памятникъ своей счастливой жизни, — на смертномъ одрѣ кромѣ тѣлесной болѣзни, обыкновенно и душевныя страданія терзаютъ внутренность ихъ; не такъ умираетъ матери, которая оставляетъ сиротами любезныхъ дѣтей своихъ, она едва не теряетъ разсудокъ, въ душевныхъ страданіяхъ едва не отчаявается; а какъ склоняется голову свою на холдный одрѣ смерти одинъ отецъ, который видитъ вокругъ себя плачущую жену и беззащитныхъ дѣтей? о для выраженія внутреннихъ чувствъ его не льзя найти слова! Но о подобномъ душевномъ состояніи, о подобныхъ внутреннихъ болѣзняхъ дитя сіе не

имѣло ни понятія. Оно жило, чтобы очиститися отъ грѣха первороднаго и безъ всякихъ внутреннихъ треволненій легко почило, — почило для блаженства, для счастія, чтобъ жити и веселигися во вѣки. О отвѣчайте, не въ самыи-ли найлучшій часъ отходить оно къ Отцу своему небесному?

Родители! отпустите дитя ваше съ миромъ въ пышные чертоги Отца небеснаго, не препятствуйте ему идти въ радость вѣчную! Но вы не рѣшаетесь, вы плакете; слышите ли, что говори гъ Господь: „Оставите дѣти и не возбраняйте имъ прійти ко мнѣ“. Не образумляеть ли васъ Господній гласъ? Вамъ тяжело, вамъ грустно разлучитися съ отрокомъ вашимъ, котораго вы такъ любили, вамъ тяжело, хотя известно знаете, что ему лучше тамъ въ отечествѣ томъ наднебесномъ. Но неизмѣнно рѣшеніе всеблагаго Бога. Дитя ваше должно отъйти отъ Васъ. Вотъ оно уже облеклось въ свою подорожнюю одежду, оно уже на пути. Но тяжело, тяжело ему оставити плачущихъ родителей своихъ. Часъ пришелъ, иѣть времени для ожиданія, мѣшканія. Слышите! Сынъ (дочь) откланяется отъ васъ:

Отецъ мой, ты нѣжно заботился обо мнѣ, пока я жилъ, да вознаградить тебѣ Богъ, — благослови меня на сей далекій путь!

Мати моя, ты плачешь, ты рыдаешь, что я оставляю тебя, — ты очень любила меня, — прижми меня

къ себѣ, пусть еще спочину на материнской груди твоей, въ этотъ послѣдній часъ!

Братья, сестры! Вы радовалися мнѣ, вы съ любовью приняли меня во свой кругъ; но не на долго, я уже отхожу отъ Васъ на вѣки. Жайте счастливо!

Сродники, и всѣ человѣколюбивые люди, которые прибыли на мое похороненіе, пріймите мое благодареніе за вашу любовь!

Родители, братья и сестры, сродники и знакомые пращайте, Богъ съ вами, вспомните когда то о мнѣ! Аминь.

Новости, сми.

— Его Величество Царь благизволилъ именовать 30. мая т. г. В. Пр. Сигисмуида Бубича, титул. епископа и каноника в.-варадскаго въ епископы Кошицкіе. Новый епіпъ Кошицкій родился 1821., а посвященъ въ пресвитеры 1844. года.

— Выс. министерство религіи и народнаго просвѣщенія ближайше возвѣсило гимназической дидактрумъ на 24 гульд.

— Распоряженія Епархіального Правительства. — Вир. О. Йоанъ Яковичъ каноникъ именованъ въ ректоры духовной семинарии Унгварской, — О. Корнилій Злоцкій назначенъ въ парохи прихода Доманинскаго, — О. Гавріилъ Яцковичъ контролеръ епарх. фондовъ опредѣленъ въ парохи прихода Кекенюшкаго, отъ котораго О. Михаїль Веляцкій отказался, — О. Дръ Александръ Микита профессоръ єевол. лицей именованъ сюда префектомъ духовной семинарии, отъ котораго чиновства О. Эмілій Шереги отказался, — О. Эммануилъ

Рошковичъ, оставилъ въ чиновствѣ директора алумнелъ священническихъ сыновей.

— Въ дѣлѣ избрания приходскаго священника въ Г.-Дорогѣ, будетъ послѣдовати консисторское совѣтованіе, и то 29-го августа по н. ст. въ меньшемъ кругѣ комиссіи состоящей изъ 13 членовъ, а 18. (30.)-го августа въ полномъ консисторскомъ засѣданіи, па которое созваны всѣ совѣтники вир. консисторіи въ Унгварѣ.

— Градъ былъ въ Унгварѣ и на окрестностяхъ 17. и 20. августа, и избилъ много урожая, особенно винограды даже до Середняго.

— Пр. ОО. епархіи нашей священники: Діописій Чопей 14-го февраля, Степанъ Ильиницкій и Іоанъ Малцовскій 8-го апраля, Георгій же Кевейръ 23-го августа т. года досиѣли ювилая своего 50-ти лѣтняго священничества. — Да дастъ имъ всемогущій Господь силу, здравіе и благословеніе свое къ дальнему дѣятельству еще на многая лѣта!

— Желѣзная дорога отъ Ниредьгазъ, черезъ В.-Калловъ, даже до Маєй-Салки отворена 20-го сего мѣсяца; при М.-Повчи есть станція.

† О. Августинъ Грабарь сотрудникъ Кекенюшкій на 25. г. жизни и 1-омъ священства упокоился 16. (28.) іюня т. года.

† Феодоръ Даниловичъ царскій подъ адвокатъ, на 44. году жизни въ М.-Сиготѣ упокоился. — Вѣчая имъ память!

— На школьный годъ 1887—88., при обезпеченніи заботливаго дозора, за умѣренную плату приимаетъ учениковъ элементарныхъ и гимназическихъ школъ, въ сосѣдствѣ купели „Квасной воды“, въ домѣ вдовы Шнековой въ Унгварѣ суируга Валентина Лакатоша, статского учителя.